

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 94(470.23-25).084.8+614.4(09)

doi: 10.33933/2713-3001-2021-63-371-383

**Профилактика эпидемий в блокадном Ленинграде:
исторический аспект***И.А. Кольцов¹, А.В. Кутузов²*

¹ Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, kafedra_sgn@rshu.ru

² Санкт-Петербургская академия Следственного комитета России, Санкт-Петербург kutsalv@mail.ru

Рассматриваются меры, предпринятые Военным советом Ленинградского фронта, городскими властями и направленные на профилактику эпидемий в блокадном Ленинграде. Приводятся сведения о деятельности ученых-медиков по созданию некоторых видов противоэпидемиологических препаратов, ликвидации вспышек эпидемий. Сообщается об участии жителей города в массовых мероприятиях по очистке и благоустройству Ленинграда. Анализируются источники и литература по рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, организация, профилактика, эпидемия, вакцина, ученые, медицинские работники, очистка.

**Prevention of epidemics in besieged Leningrad:
a historical aspect***I.A. Koltsov¹, A.V. Kutuzov²*

¹ Russian State Hydrometeorological University, Saint-Petersburg, Russia

² St.Petersburg Academy of the Investigative Committee, Saint-Petersburg, Russia

Prevention of epidemics in besieged Leningrad played an essential role in the activities of the city authorities and the Military Council of the Leningrad Front. On February 10, 1942 the Military Council of the Leningrad Front adopted a secret resolution «On the measures to combat epidemiological diseases». Antiepidemiological work in besieged Leningrad was headed by the Leningrad Research Institute of Epidemiology and Microbiology named after Pasteur.

The spring of 1942 was a critical period for Leningrad in terms of epidemiology. On March 26, 1942 the city authorities adopted a resolution «On the 12-day mobilization of the entire working-age population to clean the courtyards, streets and embankments of the city». A massive citywide event to clean up Leningrad was to be held from March 27 to April 8. On the first day, March 27, 143,000 people went to work; on March 28 — 244,000 people; on March 31 — 304,000 people. In the course of the work, the Leningraders removed almost manually more than 3 million square meters of streets, squares, embankments, put in order more than 12 thousand yards, cleaned 27 thousand sewer wells. With their heroic work, the residents of the city prevented outbreaks of epidemics that were ready to occur in the spring of 1942.

There were no epidemics in besieged Leningrad. In the emergency conditions of wartime, deeply thought-out measures were taken to organize the joint work of sanitary and epidemiological services, both civil and military.

Medical workers of the city made an invaluable contribution to the fight against the prevention of epidemics, and the measures to clean up and improve Leningrad also played a significant role.

Today, the experience gained in the prevention and control of epidemics in besieged Leningrad has turned out to be in demand. The Government of the Russian Federation has been taking necessary preventive measures since the first days of the spread of the coronavirus pandemic.

Keywords: siege of Leningrad, organization, prevention, epidemic, vaccine, scientists, medical workers, cleaning.

For citation: *I.A. Koltsov, A.V. Kutuzov.* Prevention of epidemics in besieged Leningrad: a historical aspect. *Gidrometeorologiya i Ekologiya*. Journal of Hydrometeorology and Ecology (Proceedings of the Russian State Hydrometeorological University). 2021. 63: 371—383. [In Russian]. doi: 10.33933/2713-3001-2021-63-371-383

Введение

Среди многочисленных работ, посвященных деятелям ленинградской науки в годы Великой Отечественной войны и блокады, почетное место занимают исследования, освещающие тему медицины и героический труд медиков. Медицинские работники города на Неве в период суровых испытаний, вместе со всеми жителями Ленинграда, показали себя верными сынами Отечества.

Исследования о вкладе ленинградских медиков в Великую Победу начали выходить непосредственно в годы войны и в первое послевоенное десятилетие. Однако, по ряду объективных факторов, к которым, прежде всего, следует отнести «ленинградское дело», «дело врачей» и цензуру, авторам невозможно было представить действительное положение дел, с которым столкнулась медицина блокадного Ленинграда. Для исследователей были закрыты архивы, в которых находились уникальные материалы по истории ленинградской блокады, в том числе и о роли медицинских работников по предотвращению эпидемий в 1941—1944 гг. Дневники, да и просто ежедневные записи, которые вели участники, живые свидетели событий, находились исключительно в их личном пользовании «за семью печатями», поскольку за объективное изложение пережитого в недалеком прошлом могла постигнуть «суровая кара». Заметим, что некоторые из дневников и воспоминаний о блокаде, принадлежавшим партийным, советским работникам, деятелям науки и культуры, в том числе и медицинским работникам, руководителям промышленных предприятий, да и просто рядовым горожанам, были опубликованы в 1990—2000-х гг.

В последние годы тема медицины и роль медицинских работников в период Ленинградской битвы и блокады получили освещение в ряде значимых для дальнейшей разработки исследованиях. В них представлены новые, ранее недоступные для ученых сведения, прежде всего, статистического характера. Тем не менее, интересы современных авторов, за крайне редким исключением, как и их предшественников, сводятся преимущественно к изложению либо наиболее значительных научных достижений медиков, либо к вопросам медицинских аспектов борьбы с голодом, за выживание и т. д.

Целью настоящей статьи является анализ мер, направленных на профилактику эпидемий в блокадном городе, на основании документов, принятых Военным советом Ленинградского фронта, партийными и советскими органами Ленинграда. Для всестороннего освещения проблемы обратить особое внимание на деятельность медицинских работников по созданию некоторых

противоэпидемиологических препаратов, их практическую работу по ликвидации вспышек эпидемий. Привести сведения об участии жителей в мероприятиях по массовой очистке и благоустройству города зимой 1941/42 — весной 1942 гг., т. е. в самый сложный для блокадного Ленинграда эпидемиологический период.

Для решения поставленных задач авторы настоящей статьи использовали материалы, извлеченные из фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, периодической печати, опубликованные труды по теме исследования. Особую ценность для освещения темы имеют мемуары и дневники. Заметим, что воспоминания очевидцев, участников событий уже в годы войны и блокады начали собирать профессиональные историки — сотрудники Института истории партии Ленинградского горкома.

Изучение архивных и печатных источников позволяет сделать вывод: только героический, самоотверженный труд, высочайший профессионализм и чувство ответственности за порученное дело медицинских работников всех уровней, тружеников промышленности, простых жителей — участников противоэпидемиологических мероприятий — помогли избежать эпидемий в блокадном Ленинграде.

Организация противоэпидемиологических мероприятий в блокадном Ленинграде. Деятельность медиков по предотвращению эпидемий зимой 1941/42 — весной 1942 гг.

Профилактика эпидемий в блокадном Ленинграде занимала одно из первоочередных мест в деятельности городских властей. Это объясняется тем, что их распространение грозило неисчислимыми бедствиями не только жителям города, но и войскам, оборонявшим Ленинград, поскольку инфекции автоматически перекидывались на фронт и подрывали его боеспособность. Военный совет Ленинградского фронта, которому принадлежала вся полнота власти в Ленинграде, не мог этого допустить и стал организатором противоэпидемиологических мероприятий в городе.

10 февраля 1942 г. Военный совет Ленинградского фронта принял секретное постановление за № 00636 «О мероприятиях по борьбе с эпидемиологическими заболеваниями» [1]. На следующий день, 11 февраля, Ленинградский горком ВКП(б) организовал Городскую чрезвычайную противоэпидемиологическую комиссию во главе с председателем Ленсовета П.С. Попковым. Видимо, это было связано с решением Военного совета, принятым накануне. В состав Комиссии вошли сотрудники Института эпидемиологии и микробиологии им. Пастера — доктора медицинских наук (А.К. Григорьев (директор института), К.Н. Токаревич, Э.М. Новгородская). При Комиссии был создан Научно-методический совет, который оперативно решал все вопросы организации и проведения противоэпидемиологических мероприятий. Он играл решающую роль в борьбе с инфекциями. В состав Совета также включили пастеровцев — профессоров И.М. Аншелеса и П.А. Пацановского. Примечательно, что заведующий Отделением эпидемиологии института, И.М. Аншелес, был назначен главным эпидемиологом Ленздравгоротдела [2, с. 121].

Во второй половине февраля 1942 г. были созданы районные Чрезвычайные противоэпидемиологические комиссии, которые были наделены большими полномочиями. Они могли привлекать к судебной ответственности руководителя любого ранга, не выполняющего решения Городской чрезвычайной комиссии по соблюдению установленных в городе норм санитарной гигиены. На районных комиссиях обсуждались и решались вопросы санитарного состояния подведомственного района [3].

Важную роль в координации научных исследований ленинградских медиков, направленных на ликвидацию вспышек эпидемий, играл Ученый совет при Городском отделе здравоохранения. На его заседаниях решались важнейшие вопросы медико-санитарного состояния города. Основными задачами, которые поставил Ученый совет перед медиками в области научной работы, были: разработки оказания эффективной практической помощи больным, создание противоэпидемиологических вакцин. В состав Ученого совета входили видные ученые-медики: Ф.И. Машанский, И.П. Виноградов, Н.Н. Самарин, М.О. Тушинский и др.

В январе 1942 г. противоэпидемиологическую работу в блокадном Ленинграде возглавил Ленинградский научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии им. Пастера, превращенный в своеобразный противоэпидемиологический штаб при Ленгорздравотделе.

Неоценимую помощь ленинградским медикам в предотвращении эпидемий оказывали созданные в самом начале войны из жителей города военизированные подразделения, прежде всего, формирования местной противовоздушной обороны (МПВО). На МПВО была возложена задача защиты населения и объектов народного хозяйства от нападения противника с воздуха. Но, как свидетельствуют дневниковые записи комиссара штаба МПВО Красногвардейского района Н.Д. Григорьева, их соединение в целях предотвращения эпидемий «привлекалось для уборки жертв вражеской блокады». Формированию Красногвардейского района было отведено два участка — Большеохтинское и Богословское кладбища. «На этих кладбищах проводились работы в течение декабря 1941 г., и января, и февраля, и марта 1942 г. ... Труппами были заложены противотанковые рвы, проходившие вдоль железнодорожного полотна... Эти работы проводились истощенными людьми» [4]. Заметим, что в большинстве подразделений МПВО Ленинграда до 50 % бойцов страдали от дистрофии. Порой их приходилось сажать на санки и вести до места работы.

Когда зимой 1941/42 гг. вышла из строя система теплоснабжения Ленинграда, городские власти приняли решение — рабочих и служащих селить в импровизированных общежитиях, организованных по месту работы. Там было легче поддерживать тепловой режим, да и на работу добираться намного быстрее, чем из дома. Научный сотрудник Государственного Эрмитажа В.М. Глинка, который ни на один день не покидал осажденный город, так описывает проживание эрмитажников в первую блокадную зиму: «В убежище под 20-колонным залом, где жили семьи сотрудников Эрмитажа, было тепло, проходила теплофикационная труба, и было светло — круглые сутки вдоль всего убежища горели электролампы» [5, с. 80]. Но в совместных проживаниях таилась и большая опасность: значительное

скопление людей в одном месте могло спровоцировать вспышки эпидемий. В целях их профилактики Военный совет Ленинградского фронта в феврале 1942 г. принял постановление, в соответствии с которым руководителям промышленных предприятий и других учреждений к 1 марта 1942 г. надлежало «навести должный порядок в общежитиях [1].

Несмотря на предпринимаемые экстренные меры, одиночные проявления эпидемий имели место в блокадном городе. В феврале 1942 г. вспышка эпидемии сыпного тифа началась в детском доме на углу Можайской улицы и Загородного проспекта. Заболели двое детишек девяти и десяти лет, которые пришли в Ленинград из Стрельны. Они перешли сквозь вражеские позиции по льду Финского залива и были приняты в детский дом. Учитывая, какие препятствия пришлось преодолеть детям для того чтобы попасть в Ленинград, не лишено основания предположение, что их подослали немцы. Они должны были преодолеть линию обороны противника: миновать систему из двух линий проволочных заграждений, вдоль которых днем и ночью ходили проводники с собаками, вражеские дозоры. Необходимо учитывать и то, что противник передний край обороны в ночное время освещал белыми осветительными ракетами, использовал передвижные прожекторы, создал систему минных полей даже на льду озера в районе Стрельницкого парка [6, с. 362—363].

Поскольку в детском доме отсутствовала вода, дети не прошли санобработку. Тиф быстро распространился среди воспитанников и обслуживающего персонала. После индентификации болезни дом сразу же изолировали, и до окончания карантина никто отсюда не выходил. За людьми, снабжавшими продуктами и водой изолированных, через особые приемники в окне, постоянно наблюдали специалисты. Благодаря принятым экстренным мерам сыпной тиф в районе не распространился. Вспышку болезни остановили, но «врачи, которые обслуживали детский дом, все переболели сыпным тифом» [7].

В связи с начавшимися вспышками эпидемии сыпного тифа Военный совет Ленинградского фронта постановил: к 20 марта 1942 г. дополнительно развернуть «лечебную коечную сеть по 2 койки на 1000 человек населения, в первую очередь инфекционных» [1].

Распространение сыпного и брюшного тифа зимой 1941/42 — весной 1942 гг. потребовало от медиков выявления источников этих инфекций. Анализы очагов сыпного тифа показали, что их основными разносчиками являлись дети, главным образом прибывающие из пригородов.

Весной 1942 г. вышла из строя система водоснабжения и водоотведения. Сразу же в городе возникла новая угроза вспышек эпидемий. Тогда тифозная вошь представляла крайне опасную угрозу для населения, в первую очередь, это касалось детей. Профессор Ф.И. Машанский вспоминал: «К весне 1942 г. тифозная вошь представляла, пожалуй, не меньшую опасность в городе, чем вражеские войска на подступах к нему» [8, с. 18]. Городские власти оперативно отреагировали на сложившуюся крайне опасную ситуацию. В каждом детском доме с помощью высокой температуры в выделенных «вошебойках» удалось избавиться от вшей в теплых вещах. К концу февраля, в марте вшивость была ликвидирована [9].

В ноябре 1942 г. в Ленинграде появился и начал распространяться иктерогеморрагический лептоспироз. Вспышка эпидемии была быстро ликвидирована в связи с эффективной борьбой с крысами. Резкий спад дифтерии наступил лишь в 1943 г. одновременно с нормализацией питания.

Зимой 1941/42 гг. подвоз медикаментов в Ленинград с «большой земли» почти полностью прекратился, поэтому в создании новых препаратов и обеспечении жителей необходимыми лекарствами в основном приходилось рассчитывать только на собственные силы.

Профессор Ф.И. Машанский во время блокады занимал должность заведующего Ленгорздравотделом и непосредственно руководил противоэпидемическими мероприятиями, обеспечивая борьбу с инфекционными заболеваниями. Он вспоминал, как в блокадном Ленинграде создавалась одна из вакцин: «Когда из Наркомата сообщили в Ленинград, что в низовьях Волги появились случаи заболевания холерой, ленинградские бактериологи решили изготовить противохолерный бактериофаг. Однако второй секретарь Ленинградского горкома партии А.А. Кузнецов запретил его создание и производство, мотивируя это тем, что при прямом попадании вражеского снаряда или бомбы в лабораторию, где проводились работы, она автоматически превратилась бы в очаг распространения холеры. Посоветовавшись с директором института вакцин и сывороток Н. Синицким, я все же дал разрешение на изготовление препарата специалистам института. После того, как препарат был изготовлен, сейф с холерными микробами спустили глубоко в подвал». Когда необходимое количество препарата для предотвращения вероятной эпидемии оказалось на складе, Ф.И. Машанский обратился к А.А. Кузнецову с просьбой освободить его от занимаемой должности. Между ними состоялся такой разговор:

«— Почему? — спросил А.А. Кузнецов.

— Пять тонн бактериофага произведено и лежит на складе, — ответил Ф.И. Машанский.

— Вы знаете, что Ленинград на осадном положении и что прокурор у нас военный. Случись что — Вас сурово накажут...

— Я это знаю.

— Вы поступили правильно — сказал А.А. Кузнецов. — Я бы на Вашем месте поступил так же. Вы сделали то, что считали необходимым. Работайте спокойно. Мы Вас во всем поддержим» [8].

Видный советский ученый, нейрохирург Ф.И. Машанский (1894—1991) в годы Великой Отечественной войны спас жизни не одной сотне раненных бойцов и командиров. Упомянем, что он являлся ответственным редактором фундаментального издания (в 8-ми томах) «Работы ленинградских врачей в годы Великой Отечественной войны» (Л., 1942—1946), автором многочисленных научных работ. В 1988 г. были опубликованы воспоминания Ф.И. Машанского «Суровый экзамен. Листки блокадного календаря».

Как уже отмечалось, ученые Ленинградского научно-исследовательского института эпидемиологии и микробиологии им. Пастера, который стал «своеобразным противоэпидемиологическим штабом города» внесли неоценимый вклад

в борьбу с инфекциями в блокадном Ленинграде. В течение всей войны тематика научной деятельности Института была подчинена изучению конкретной эпидемиологической ситуации в городе. Отдел паразитарных тифов НИИ сыграл исключительно важную роль в выявлении очагов инфекций и купировании тифозной вспышки, которая началась в январе 1942 г. и совпала по времени с массовым поступлением детей в приемники и детские дома. Для профилактики сыпного тифа была создана специальная вакцина. Наиболее значимая заслуга Института в годы войны и блокады состояла в том, что его ученые выступили основными организаторами всех противоэпидемиологических мер, масштабы которых не имели аналогов в мировой истории. Несмотря на то, что там работала только половина положенных по штату сотрудников, он сохранил научный потенциал, способный проводить работы по всем актуальным инфекциям того времени. Научно-исследовательская деятельность ученых внесла существенный вклад в борьбу с инфекционными болезнями, повысила его эффективность, позволила предупредить в Ленинграде возникновение крупных эпидемий и опасных инфекций. Институт совместно с санитарно-эпидемиологической службой города добился беспрецедентного в истории результата — оперативно ликвидировал эпидемии дифтерии, лентоспироза, сыпного тифа, дизентерии и других инфекций, не допустил их катастрофического распространения среди голодающего населения. В период блокады сотрудниками института было расследовано 57 вспышек эпидемий, проведено обследование сотен их очагов, в том числе в Кронштадте, Пушкине и Колпино [11].

Мероприятия по очистке и благоустройству Ленинграда зимой—весной 1942 г. Их роль в предотвращении эпидемий

Проблема поддержания санитарного состояния Ленинграда на должном уровне с первых дней блокады была в центре внимания городских властей. В июле—августе 1941 г. вокруг Ленинграда и на его окраинах были установлены санитарно-контрольные пункты. Однако, массовая очистка города от отходов в первые месяцы войны и блокады не проводилась. Только в декабре 1941 г. Ленгорисполком принял решение об уборке города от снега; 9 января 1942 г. — о наведении порядка в жилых домах. Первоначально поход за чистоту в жилых помещениях начали молодежные бригады. По заданию райкомов комсомола они ежедневно делали обход квартир и лестниц, очищали их от мусора, приводили в порядок водопровод. Вскоре к решению этой задачи городские власти подключили домоуправления.

Примечателен такой эпизод из жизни горожан. Он относится к первой блокадной зиме. В этот тяжелейший для ленинградцев период Горком партии на одном из заседаний поставил перед работниками райкомов такую задачу: «выглядеть прилично, а то кто из жителей города посмотрит на Вас и сам жить не захочет! ... Пусть у Вас на душе кошки скребут, пусть есть хочется, а Вы улыбайтесь, держитесь бодро!» И райкомовцы стали надевать костюмы, следить за своим внешним видом, и это, по воспоминаниям очевидцев, сыграло свою роль в поднятии морального духа населения, хотя и в небольшой степени, но все-таки [12].

В январе 1942 г. с целью привлечения всех жителей к работе по очистке города Ленсовет принял постановление «О мобилизации населения в порядке трудовой повинности по очистке домов, улиц, площадей и набережных Ленинграда». В этом документе было определено, что лица, занятые на производстве, должны отработать на уборке города от снега 3 часа в день, не работающие — 8 часов. Однако, предпринятая «с ходу» попытка привлечь все население к уборке территории города успеха не имела, а полностью воплотить в жизнь эти крайне необходимое решение только военизированными подразделениями местной противовоздушной обороны и силами мобилизованных рабочих и инженерно-технического персонала законсервированных предприятий оказалось не под силу.

Весна 1942 г. явилась для Ленинграда самым критическим периодом в эпидемиологическом отношении. Обстановка была такова. К этому времени людские потери от вспышек эпидемий были равносильны потерям от голода, холода, бомбежек и артобстрелов, Дворы были залиты нечистотами, всюду валялся мусор. Во время обхода квартир обнаруживали много умерших. По словам очевидцев, «трупы просто некуда было девать» [13].

В ноябре 1941 г. — марте 1942 г. ежедневно около 4000 человек работало на захоронении, но поскольку грунт сильно промерз, встал вопрос о кремации. Начиная с 10 февраля 1942 г., на Ижорском заводе в течение двух месяцев было сожжено около 4000 трупов. Этот опыт учли при организации массовой кремации. С 11 марта по 20 апреля 1942 г. только в одном из цехов Первого кирпичного завода Ленпромстроя было сожжено 25 800 трупов. Заметим, что и в дальнейшем на этом предприятии продолжалась кремация. Специально отобранные для этого девушки работали в три смены [14].

Государственный Комитет Обороны предвидел опасность возникновения эпидемий в блокадном городе и 2 февраля 1942 г. принимает решения: к 15 февраля «... восстановить нормальную работу всех санпропусков ... установить места общественного водоразбора и водоохрану ... в ближайшее время провести санитарную очистку города» [1]. Во исполнение решения ГКО Ленинградский горком партии и Исполком Ленсовета постановили провести два массовых воскресника 8 и 15 марта.

Для этой цели из рабочих заводов и фабрик создавались бригады по очистке города, в которые входили представители администрации. Эти коллективы выходили работать туда, где было тяжелее всего. Секретарь Выборгского райкома комсомола Ф.С. Октябрьская вспоминала: «В этих воскресниках в районе участвовало от 500 до 1500 человек. Привлечь к уборке иждивенцев оказалось несколько труднее» [15]. Всего в состоявшемся 8 марта воскреснике приняло участие около 17 000 тысяч горожан. Несомненно, предпринятые меры внесли определенный вклад в очистку города, но для предотвращения грядущей эпидемиологической катастрофы их было недостаточно. Необходимо было принимать кардинальные решения.

В середине марта 1942 г. состоялось общегородское собрание управдомов. На собрании выступил председатель Исполкома Ленсовета П.С. Попков, который поставил перед домоуправлениями задачу сконцентрировать все имеющиеся силы

и средства на очистку города, «чтобы до наступления тепла навести во всех домах и прилегающих к ним территориях элементарный порядок». Но поскольку объем работ, который предстояло выполнить, был поистине гигантским, стало понятно: только силами домоуправлений их не осуществить.

26 марта бюро Ленинградского горкома партии и Исполком Ленсовета приняли постановление «О мобилизации на 12 дней всего трудоспособного населения на очистку дворов, улиц, площадей, набережных города». Массовое общегородское мероприятие по благоустройству было решено провести с 27 марта по 8 апреля. Заметим, что принятое 9 марта на бюро Ленинградского горкома ВКП(б) постановление о необходимости возрождения производства боеприпасов, вооружения и необходимых производственных товаров силами ленинградской промышленности означало, что количество рабочих, занятых уборкой города зимой 1941/42 гг., резко сократится [16, с. 161].

Во исполнение совместного постановления партийных и советских органов Ленинграда Исполком Ленсовета принял решение, пункт 5 которого («О мобилизации населения в порядке трудовой повинности на работы по очистке дворов, улиц, площадей и набережных Ленинграда») предусматривал привлечение мужчин в возрасте от 15 до 60 лет и женщин от 15 до 55 лет для участия в очистке города. Продолжительность рабочего дня для населения, не занятого на производстве, устанавливалась 8 часов, для домохозяек и учащихся — 6 часов, для работающих — 2 часа [17, с. 226].

Каждому жителю вручали специальную повестку: маленькую листовку-бумажку с приглашением явиться на работу — выполнить свой гражданский долг — и особую книжечку, в которой отмечалось время начала и конца рабочего дня. Территорию города распределили между районами, а дома с прилегающей территорией закрепили за расположенными по соседству предприятиями и учреждениями. Так что «бесхозных мест» не оставалось. Уклоняющихся от трудовой повинности задерживала милиция. За невыход на работу или несвоевременное оповещение о ее начале привлекать к ответственности могла, как упоминалось ранее, только районная Административная комиссия. У райисполкомов таких прав не было [18]. Архивные и печатные источники свидетельствуют о том, что нарушения постановления городских властей имели место. Приведем только один пример. В марте 1942 г. Административная комиссия одного из центральных районов города осудила на шесть месяцев лишения свободы управдома Смирнова (Фонтанка, 131). В доверенном ему доме дворы были крайне загрязнены, воды не было, к работам по очистке территории жильцы не привлекались. Даже после решения Исполкома Ленсовета о привлечении населения к уборке города он не удосужился вручить повестки, которые призывали жильцов дома принять участие в работе по уборке мусора [18].

В первый день массовой очистки города, 27 марта, на работу вышли 143 тысячи человек, 28 марта — 244, 31 марта — 304, 4 апреля — более 318 тысяч человек [19, с. 144]. Принять участие в уборке территорий выразила желание и та категория жителей, которая не привлекалась для проведения работ: старики, пожилые женщины, инвалиды. Конечно, они не могли оказать существенную

помощь в деле наведения порядка, но уж очень им хотелось помочь мобилизованным быстрее выполнить эту работу. Приведем небольшой отрывок из рассказа участника тех событий Н.М. Порошина, который был бригадиром одной из бригад по очистке территории в Московском районе. Он вспоминал: «В моей бригаде была работница Наталия Андреева. Она инвалид и не подлежала мобилизации по трудовой повинности. Но т. Андреева по собственному желанию вышла на работу и трудилась, насколько хватало ее сил. Таких патриотов, как Н. Андреева, десятки тысяч, и не было такого задания, которое они не выполнили» [20].

Активное участие в работе по очистке города принимала ленинградская милиция. Приведем такие сведения. 13 марта в 14-е и 31-е отделения милиции прибыло тыловое пополнение. Этим крепким бойцам, по сравнению с истощенными жителями, поручили скалывать лед. Большинство из пополнения прибыло с «большой земли» и «... не верило, что ленинградцы ходят под обстрелом, и сначала пугались обстрелов, а потом вошли в норму» [21]. Помимо этого, сотрудники милиции «обходили квартиры, оформляли документы о смерти, подбирали павших, доставляли трупы в морги, а еще чаще впрягались в саночки и лично везли до кладбища скончавшихся в домах и на улицах ленинградцев» [21].

Работа по уборке территорий требовала предельного мужества у ее участников. Сотрудник Петроградского райкома партии Л.В. Торгонский вспоминал: «... горы нечистот иногда превышали человеческий рост. Так, около одного ремесленного училища площадь двора была метров 150 — и все это было залито нечистотами высотой примерно с метр. Убирали эту площадь сначала человек 30 из соседнего домохозяйства, позже — с прикрепленного предприятия человек 20—30. Все складывали и увозили на свалку в выкопанную за домохозяйством яму, которую зарыли, и к остановке трамвая — где мусор выгружали на платформу и увозили в Неву». На уборку улиц Петроградского района в марте—апреле ежедневно выходило примерно 22 тысячи человек. За это время жители Петроградской стороны очистили 850 дворов, собранный ими мусор был вывезен 2 252 машинами, 200 трамвайными платформами, почти 20 тысячами санок [22].

В дни проведения очистки города на страницах газеты «Ленинградская правда» появились рубрики: «Выше темпы работ по очистке города», «Патриоты своего города». В статьях и очерках, помещенных на страницах ленинградской прессы, горожан призывали «шире развернуть социалистическое соревнование между бригадами по уборке территории», рассказывалось о наиболее отличившихся в работе горожанах [23].

В ходе проведения очистки города ленинградцы убрали практически вручную свыше 3 млн квадратных метров улиц, площадей, набережных, привели в порядок свыше 12 тысяч дворов, очистили 27 тысяч канализационных колодцев. Несмотря на то, что пассажирские парки трамвайно-троллейбусного управления для ускорения уборки предоставили для перевозки хозяйственные вагоны, из убранных около 1 млн тонн мусора нечистот, льда и снега было перевезено не более 200 тысяч тонн; около 800 тонн население вывезло на подсобных средствах — саночках, листах фанеры, а текстильщики для этой цели использовали даже корзины от пряжи. Для сбора отходов Исполком Ленсовета временно разрешил организовать на

территории города 17 свалок, а грязный снег вывозить на Неву и сваливать на лед [24]. Массовая очистка города была закончена к 15 апреля.

Очевидцы вспоминали: люди радовались, что они проделали работу, не меньшую, чем во время строительства оборонительных сооружений вокруг города летом—осенью 1941 г. Своим героическим трудом ленинградцы не только предотвратили весной 1942 г. массовые вспышки эпидемий и тем самым спасли огромное количество человеческих жизней, но и приблизили день освобождения своего родного города от вражеской блокады.

Заключение

В блокадном Ленинграде эпидемий не было. То, что в условиях осажденного в течение продолжительного времени города этого не произошло, многим казалось чудом. Но никакого чуда не было. На самом деле, в чрезвычайных условиях военного времени в кратчайшие сроки были проведены глубоко продуманные мероприятия, направленные на организацию совместной работы санитарно-эпидемиологических служб — как гражданских, так и военных. Проводилась массовая иммунизация и вакцинация жителей и воинов, оборонявших Ленинград, был установлен строгий карантин для всех прибывающих в город и для лиц с подозрением на наличие инфекционных заболеваний, издан приказ об обязательной госпитализации всех без исключения, гражданских и военных, с высокой температурой тела невыясненного происхождения и т. д. Значительную роль в предотвращении массовых вспышек эпидемий сыграли мероприятия по очистке и благоустройству Ленинграда, особенно весной 1942 г.

Неоценимый вклад в борьбу с предотвращением эпидемий внесли ученые-медики, создавшие в невероятно трудных условиях военного времени препараты для профилактики инфекционных заболеваний. Несомненно, медицинским работникам, трудившимся в блокадном Ленинграде и спасшим своим героическим трудом многие и многие тысячи жизней жителей города на Неве, принадлежит первенствующая роль.

Сегодня опыт, накопленный по профилактике и борьбе со вспышками эпидемий в блокадном Ленинграде, оказался востребованным. Правительство Российской Федерации с первых дней распространения коронавирусной инфекции принимает необходимые профилактические предупредительные меры. Такая система руководства продиктована необходимостью решения уже современных задач. Другого пути, по-видимому, не существует.

Список литературы

1. Статистический материал // Санкт-Петербургские ведомости. 1992. 22 августа.
2. *Жебрун А.Б., Чайка Н.А.* Институт эпидемиологии и микробиологии им. Пастера в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда // Микробиология. 2015. № 5. С. 121—126.
3. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (в дальнейшем — ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 848. Л. 24 (об).
4. ЦГ АИПД СПб. Оп. 10. Д. 739. Л.6.
5. *Глинка В.М.* Воспоминания о блокаде. СПб.: Лимбус Пресс, 2012. 416 с.: ил.

6. Петергоф в Великой Отечественной войне 1941—1945. Том 1. СПб.: ГМЗ Петергоф, 2019. 460 с.: ил.
7. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1100. Л. 11 (об) — 12.
8. *Машанский Ф.И.* Суровый экзамен // Листки блокадного календаря. Вып. 1. Л., 1988. С. 6—64.
9. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 686. Л. 23.
10. *Кончаев Б.И., Скрябин М.Е.* В борьбе с огнем (Страницы истории). Л.: Стройиздат, Ленинградское отделение, 1984. 59 с.: ил.
11. *Токаревич Н.К.* История Института Пастера в Ленинграде в годы блокады // Сборник статей, посвященный 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. СПб.: РИЦ ПСПбГМУ, 2020. 178 с.
12. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 647. Л. 7.
13. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 877. Л. 17—20, 27.
14. Смена. 1989. 14 ноября.
15. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1309. Л. 17 (об). Д. 32. Л. 8.
16. *Демидов В.И.* Снаряды для фронта. Документальная повесть. Л.: Лениздат, 1985. 256 с.
17. *Карасев А.В.* Ленинградцы в годы блокады. 1941—1943. М.: АН СССР, 1959. 315 с.: 3 л. схем, ил.
18. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 948. Л. 24—24 (об).
19. *Манаков Н.А.* В кольце блокады. Хозяйство и быт осажденного Ленинграда. Л.: Лениздат, 1961. 215 с.: ил.
20. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 877. Л. 21—22.
21. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 762. Л. 15—15 (об). Д. 371. Л. 3.
22. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 877, Л. 20—21. Д. 3. Л. 9.
23. Выше темпы работ по очистке города // Ленинградская правда. 1942. 29 марта.
24. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 877. Л. 20—21. Д. 486. Л. 16.

References

1. Statisticheskij material. *Sankt-Peterburgskie vedomosti. St. Petersburg statements.* 1992. 22.08. [In Russian].
2. *Zhebrun A.B., Chajka N.A.* Institut epidemiologii i mikrobiologii im. Pastera v gody Velikoj Otechestvennoj i blokady Leningrada. *Mikrobiologiya.* Mikrobiology. 2015, 5: 121—126. [In Russian].
3. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (CGAIPD SPb).* Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (CSAHPD St. Petersburg). 4000. 10. 848.24. (ob). [In Russian].
4. *CGAIPD SPb.* CSAHPD St. Petersburg. 4000.10. 739. 6. [In Russian].
5. *Glinka V.M.* *Vospominaniya o blokade.* Memories of the blockade of Leningrad. St. Petersburg.: Limbus Press, 2012: 460 p. [In Russian].
6. *Petergof v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941—1945. Tom 1.* Petergof in a Great Patriotic War 1941—1945. Tom 1. St. Petersburg: GMZ Petergof, 2019: 460. [In Russian].
7. *CGAIPD SPb.* CSAHPD St. Petersburg. 4000. 10. 1100. 11.(ob). 12. [In Russian].
8. *Mashanskij F.I.* Surovoj ekzamen. *Listki blokadnogo kalendarya. Vyp. 1.* Sheets of the blockade calendar. No. 1. Leningrad, 1988: 6—64. [In Russian].
9. *CGAIPD SPb.* CSAHPD St. Petersburg. 4000.10. 686. 23. [In Russian].
10. *Konchaev B.I., Skryabin M.E.* *V bor'be s ognem (Stranicy istorii).* In the Fight against fire (Pages of History). Leningrad: Strojizdat, LO, 1984: 59. [In Russian].
11. *Tokarevich N.K.* Istoriya Instituta Pastera v Leningrade v gody blokady. *Sbornik statej, posvyashchennyj 75-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne.* Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. St. Petersburg: RIC PSPbGMU, 2020: 178 p.
12. *CGAIPD SPb.* CSAHPD St. Petersburg. 4000. 10. 647. 7.
13. *CGAIPD SPb.* CSAHPD St. Petersburg. 4000. 10. 877. 17—20, 27.
14. *Smena.* Shift. 1989. 14.11.
15. *CGAIPD SPb.* CSAHPD St. Petersburg. 4000. 10. 1309. 17.(ob); 32. 8.
16. *Demidov V.I.* *Snaryady dlya fronta. Dokumental'naya povest'.* Shells for the front. A documentary novel. Leningrad: Lenizdat, 1985: 256 p.

17. *Karasev A.V. Leningradcy v gody blokady (1941—1943)*. Leningraders during the blockade (1941—1943). Moscow: AN SSSR, 1959: 315 p.
18. *CGAIPD SPb*. CSAHPD St. Petersburg. 4000. 10. 948. 24-24(ob).
19. *Manakov N.A. V kol'ce blokady. Hozyajstvo i byt osazhdennogo Leningrada*. In the ring of the blockade. Economy and life of the besieged Leningrad. Leningrad: Lenizdat, 1961: 215 p.
20. *CGAIPD SPb*. CSAHPD St. Petersburg. 4000. 10. 877. 21—22.
21. *CGAIPD SPb*. CSAHPD St. Petersburg. 4000. 10. 762. 15-15(ob); 371. 3.
22. *CGAIPD SPb*. CSAHPD St. Petersburg. 4000. 10. 877. 20—21; 3. 9.
23. Vyshe tempy rabot po oчитке goroda. *Leningradskaya pravda*. The Leningrad truth. 1942. 29.03.
24. *CGAIPD SPb*. CSAHPD St. Petersburg. 4000. 10. 877. 20—21; 486. 16.

Конфликт интересов: конфликт интересов отсутствует.

*Статья поступила 08.02.2021
Принята к публикации 05.04.2021*

Сведения об авторах

Кольцов Игорь Анатольевич, д-р истор. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Российского государственного гидрометеорологического университета, kafedra_sgn@rshu.ru.

Кутузов Александр Владиславович, д-р истор. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных, социально-экономических дисциплин, русского и иностранных языков Санкт-Петербургской академии Следственного комитета России, kutalv@mail.ru.

Information about authors

Koltsov Igor Anatolyevich, Grand PhD (Historical Sci.), Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences, Russian State Hydrometeorological University.

Kutuzov Alexander Vladislavovich, Grand PhD (Historical Sci.), Professor of the Department of Humanities, Socio-Economic Disciplines, Russian and Foreign Languages, Faculty of Training Investigators, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee.